

Известия - 2000 - 30 ноября - с. 17

Культура.
Разговор напрямую

Алексей КОРТНЕВ:

В шоу-бизнесе тоже есть хорошие люди

Алексей КОРТНЕВ славен тем, что он был телеведущим и конференсье, играл в «Прорве» Дыховичного и хмыкал в микрофон «Русского радио», блистал в студтеатре МГУ и сочинял рекламные ролики, а также организовал ансамбль «Несчастный случай», у коего только что вышел новый альбом «Чернослив и курага». Так, я еду в компании Алексея и его друзей, и актриса Юлия Рутберг задумчиво смотрит в окно: «А помнишь, Лёша, раньше здесь была блинная, и когда ты за мной ухаживал, ты меня сюда водил?» Минутами позже театральный художник Павел Каплевич наскоро рисует декорации спектакля, в котором вроде бы участвует «Несчастный случай». Выходит замечательно — но что же за

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

«День радио», пародийная постановка совместно с «Квartetом И». — Ну, радио вам не понаслышке знакомо — вы же работали на «Русском радио». Влезли, так сказать, в шоу-бизнес с самой его гадкой стороны.

— И довольно быстро удрали. Люди все-таки чувствовали, что

Сначала... из капеллы имени Глинки украдена скрипка

Елена КОРОВ

Алексей КОРТНЕВ:

В шоу-бизнесе тоже есть хорошие люди

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Когда вы начинали играть — неужто не хотелось стать рок-н-рольной командой, собирать стадионы?

— Да хотелось, конечно, но мы всегда четко понимали, что это невозможно, потому что жанр другой. Мы тогда находились под сильнейшим влиянием студенческого театра МГУ, и на Московский рок-клуб того времени я смотрел свысока — ну, что это там? Какая-то одномерная, приземленная музыка... Разумеется, я завидовал людям, которые выходили на большую сцену, играли громко, умело, но это была вполне здоровая зависть.

— И рок-н-рольное мироощущение никогда вас не соблазняло — драйв, поклонники, секс'н'драг, наконец?

— Нет, никогда. Секс'н'драг вполне можно получить и без рок-н-ролла, к тому же мимо наркотиков мы как-то прошли, слава богу — хватало секса, наверное. Толп поклонниц, может, и не было, но ведь среди наших почитателей встречались такие люди, как, скажем, Юлия Рутберг или Ира Богущевская — в рок-н-рольной тусовке такие девушки редко встречаются, согласитесь.

— Все члены команды где-то работают, и «Несчастный случай» стал этаким хобби — но разве не перерос он в смысл жизни?

— «НС» — не смысл, но способ жизни. Это не стало способом зарабатывания денег, но мы с этим как-то смирились: в конце концов те, кто завешал нам сцену, вообще никогда не рассчитывали на коммерческий успех. Если бы мы занимались этим делом профессионально, то все, чего добились за 17 лет, добились бы за семь и уже давно, может, разошлись — запас энергии любому объединению людей отпущен вполне определенный, и ты либо прожигаешь его быстро, либо цедишь потихоньку.

— И успехами своими вы удовлетворены? Все-таки 17 лет — чертовски большой срок.

— Несколько раз за эти годы я был удовлетворен, да. Сейчас, напротив, у меня период глубокого недовольства, потому что я не совсем понимаю, что мы будем делать дальше. Думаю,

новый поворот будет уже связан не с эстрадой, а с театром.

— «Чернослив и курага» показался мне абсолютным повторением пройденного.

— Да ведь и второй ребенок в семье — это тоже повторение пройденного: те же механические движения, потом рождение, но это же не значит, что любишь его меньше первого. Сложно к тому же говорить о том, что сам делаешь.

— Мне казалось, что вы всегда четко оцениваете, что и как делаете.

— Могу сказать, что восторга от нового альбома я не испытываю. Нормальный результат, все вроде в порядке, но... С другой стороны, мои собственные оценки альбомов никогда не совпадали с тем, как они потом продавались: «Межсезонье», сборник старых песен, — это наш бестселлер, а мне он меньше всего нравится. Тут дело такое.

— Вы когда-то написали нежнейшую песню «Москва». На новом альбоме тоже есть песня о Москве, но уже, пожалуй, злобная. Город заел-таки?

— Просто два разных лирических героя, я же не могу записать в песню всего себя. Когда я писал «Москву», мы как-то угадали общее настроение — не зря же она так быстро и бойко пошла в народ...

— Но мир-то действительно изменился, и город, и люди, и мелочи какие-то... Вот у вас в песне «хорошие святые» носят Армани, а они уже поди не Армани, а Праду носят.

— Армани — это символ, символ, я же не вдавался в такие тонкости! Я сам Армани не носил никогда, у меня только галстук есть, к тому же подаренный. Город, конечно, меняется, и я замечаю его взросление, старение, но люблю-то по-прежнему. Да Москву ведь всегда поносили! Сначала это была грязная деревня, заселенная варварами, потом купеческая, сальная, с кривыми улочками, потом метрополия, которая пожрала все вокруг... Но лучше или хуже она не становится. А настроения социума я, увы, не могу оценивать, поскольку мало с ним общаюсь.

— Да хоть бы и вашего социума.

— Моего? (надолго задумывается). Люди моего поколе-

ния настолько привыкли жить в состоянии постоянного возбуждения, что когда наступило затишье, всем тут же стало скучно. Все зарабатывают деньги и ругаются. Стало не о чем говорить, не о чем писать. Вот Путин. Что скажешь про Путина? Просто должно пройти много-много лет, прежде чем люди научатся жить, просто радуясь всякой ерунде вроде кофе по утрам и горчичники на ночь. Мо окружение сейчас переживает момент обуржуазивания жизни, и переживает достаточно мучительно. Всем чего-то не хватает. Все скучают.

— А девчонки вы вместе с вашим окружением провели как полагается — в загуле, в авантюрах?

— Ну конечно. В мечтаниях, уж по крайней мере. Ну а потом все эти лазания на баррикады с телекамерой, пассивные концерты то в поддержку, то против... Это было время непрерывного демонстрирования. Сейчас наступает отрезвление и, как следствие, похмелье. Не время радоваться, как вы понимаете.

— Вы по-прежнему зарабатываете на жизнь рекламой?

— Редко-редко. Только когда дают персональные задания. В основном мне заказывают рифмованные тексты или песенки.

— Чем-нибудь похвастаетесь?

— Последний раз я делал рекламу шин. А из известных — рекламу «M&M's» и «Wrigley's». Беда рекламы в том, что лучше всего работают самые рутинные ролики: вот, скажем, кампания «Wrigley's» была очень успешной, а «M&M's» — не очень, хотя понятно, что с точки зрения искусства «M&M's» что-то из себя представляет, а «Wrigley's» — ничего, ноль.

— Искусства? То есть вы этим всерьез занимались, вкладывали душу?

— Да, конечно. Вкладывать душу приходится во все, что ты делаешь, если ты честный человек. Я так воспитан родителями: даже когда чиню унитаз, очень переживаю. Одни из самых счастливых дней своей жизни я провел, работая в студенческих строительных отрядах каменщиком. С таким наслаждением клал стены! Причем выяснилось, что студенты

мехмата очень хорошо кладут стены, потому что они думают, когда делают — в отличие от местных рабочих, у которых все равно выходит криво, хотя они и занимаются этим лет по тридцать.

— Опыт написания рекламных стишков не мешает при сочинении песен?

— Он заставляет гораздо внимательнее фильтровать написанное, чтобы не соблазниться проторенной дорожкой. Для себя писать вообще гораздо труднее, чем для других. Правда, с точки зрения популярности это подход неправильный: чтобы стать популярным, нужно все-таки выдавать усредненный продукт. Миллионы не будут есть улиток или фондю, они потребуют борща и сосисок с гречкой — и это абсолютно нормально!

— Варить борщ вам не интересно?

— Да борщ этот сваривается сам собой, о чем разговор: «Что ты имела в виду» была написана за один день — и с удовольствием!

— И стала популярнее, чем все ваши сложносочиненные полотна. Обидно?

— Обидно. А что делать? Приходится мириться.

— Не мною замечено, что у вас в каждой, почитай, второй песне фигурируют ангелы. Отчего так?

— Это просто привычная метафора. Как Макар постоянно поет про реки, мосты, лодки, парус и пристань, которую надо найти, БГ — про гастроном-кухню-газ, ну, правда, теперь — про Кришну-Будду-Тибет. Ангел — это всего лишь человек, лишенный недостатков. Впрочем, как и достоинств! И на этом фоне просто очень удобно подчеркивать достоинства и недостатки жизни земной. Так на фоне побеленной стены становятся ярче краски, рельефнее персонажи.

— Ангелы ваши — они хрестоматийные?

— Я в общем-то не очень хорошо знаком с хрестоматиями...

— Ну, крылья, белый балахон...

— Я не зна-аю! (искренне веселится). Это все-таки совсем уж земное представление. Если они все-таки существуют, то, наверное, все-таки бесплотные. Без массы, без объема, вкуса и запаха.